

ЭО, 2008 г., № 4

© В. И. Дятлов

РОССИЯ: В ПРЕДЧУВСТВИИ ЧАЙНАТАОУНОВ

Уникальность нынешней миграционной ситуации для России состоит не просто в формировании массовых трансграничных потоков трудовых мигрантов, в стремительной и устойчивой динамике этого процесса. Суть проблемы – в беспрецедентно высокой роли этого фактора в экономической, этнокультурной, социальной, политической, возможно и геополитической сферах жизни¹. Россия превращается в страну мигрантов – и это может оказаться радикальным поворотом в становлении ее нового качества.

Особое значение имеет миграция из Китая – в силу ее потенциально большой численности, слабой заселенности и освоенности приграничных сибирских и дальневосточных регионов, их удаленности от центра, а также из-за присутствия за спиной мигрантов миллиардного Китая, становящегося сверхдержавой. И, что еще важнее, в силу опасений и страхов, вызванных данными обстоятельствами.

Все это означает (среди прочего) массовую обыденную повседневность встреч и контактов людей разных культур. Мигранты – это не только жизненно необходимая рабочая сила. Это иные культура, язык, образ и стиль жизни, манеры поведения, иные представления о должном и допустимом, разные системы запретов и табу, несовпадающие механизмы социального контроля.

Как следствие, и российское принимающее общество, и сами мигранты в период их адаптации к этому обществу будут постоянно сталкиваться с социокультурными задачами высокой степени сложности. Во-первых, это задача взаимного уважения тех "предельных" культурных ценностей, отказ от которых будет восприниматься каждой из сторон как угроза ее идентичности. Во-вторых, задача выработки толерантных форм взаимодействия, что предполагает устранение из практики общения взаимоисключающих норм поведения. В-третьих, перед принимающим обществом остро стоит проблема признания используемых мигрантами и диаспорами в процессе экономической активности социальных практик, не противоречащих нормам закона, а перед мигрантами и диаспорами – задача усвоения и соблюдения этих норм.

При столкновении с этими проблемами неизбежен серьезный культурный шок. Уже сейчас завязываются узлы проблем, противоречий и конфликтов. Российское общество в значительной своей части испытывает чувство опасливой настороженности, а то и прямого страха перед тем, что часто формулируется в категориях "нашествие", "экспансия" мигрантов. И комплекс "понаехали тут всякие" – вербализация одной из самых распространенных реакций принимающего российского общества на абсолютно новую для себя миграционную ситуацию. Данный комплекс силен именно своей массовостью, "почвенностью" и даже своей неотрефлексированной примитивностью. Теперь это уже устоявшийся стереотип², не просто отражающий ситуацию, но и во многом влияющий на нее. Эти страхи и это отторжение неизбежно воздействуют на государство, его отдельные структуры и представителей. Соответственно – на выработку и реализацию политики.

Один из таких "узлов напряженности" концентрируется в слове *чайнатауны*. Представление о том, что мигранты из Китая, прибывая в Россию, неизбежно должны и будут концентрироваться в отдельных городских районах, сегрегироваться не только социально, но и территориально, стало общим местом в массовом сознании россиян. Это

Виктор Иннокентьевич Дятлов – профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, заместитель главного редактора независимого научного журнала "Диаспоры", директор Исследовательского центра "Внутренняя Азия"; e-mail: dyatlov@irk.ru

постоянный сюжет в прессе, в официальных и неофициальных заявлениях чиновников и политиков разного ранга, в представлениях "простых людей". В свою очередь, он становится фундаментом для построения различного рода политических и геополитических конструкций и оценок последствий китайской миграции для принимающего общества. Иногда такие конструкции непосредственно воздействуют на принятие важных политических и управленческих решений. Анализ того, что ждут от чайнатаунов и чего опасаются, является основной задачей статьи.

"Второе пришествие" китайских мигрантов в Россию, которое началось на рубеже 1980–1990-х годов, произвело шокирующее воздействие на население страны. Память и опыт общения с мигрантами первой, дореволюционной волны были полностью утеряны за годы советской власти. Поэтому проблема осмысливалась и оценивалась как совершенно новая. И тем более показательно, что практически сразу появляются прогнозы о том, что вскоре, в самом недалеком будущем, китайские мигранты начнут создавать постоянные компактные поселения – "чайнатауны".

Можно бесконечно цитировать журналистские публикации тех лет, читательские письма в газеты, заявления политиков и чиновников о том, что вот-вот Иркутск (или любой другой город на востоке России) "станет чайнатауном"³. Резюмируя их тональность и стилистику, можно прийти к выводу, что чаще всего за этим стояло ощущение или прямо проговариваемое убеждение в том, что раз китайцев вообще много, то их должно быть очень много и здесь – в конкретном городе или в России в целом. Чаще всего подразумевались не компактные китайские поселения, а возможность *окитанивания* страны, региона или города. Поэтому так часто вспоминались анекдоты еще советской эпохи о том, что "мы будем проникать в Россию небольшими группами по сто тысяч человек в каждой" (Польинский 2005) или что вскоре булка хлеба будет стоить несколько юаней.

Проблема компактных китайских поселений также обсуждалась. Причем как-то незаметно и почти сразу такое обсуждение переходило из жанра прогноза в жанр констатации. Как о вещи всем известной и потому не требующей доказательств часто говорится о том, что в Сибири и на Дальнем Востоке **уже созданы** такие поселения. Причем это говорили и писали не только журналисты, но и высокопоставленные чиновники, политики, эксперты и ученые. Занимаются они этим и сейчас. Характерно, что интенсивность подобных представлений увеличивается по мере удаления от Дальнего Востока и Сибири, а также то, что практически не встречается даже названий таких поселений, не говоря уже об их описании.

Огромную роль в формировании этого взгляда сыграла первая, видимо, книга о китайской миграции в современную Россию, выпущенная в 1994 г. авторитетными экспертами Л.Л. Рыбаковским, О.Д. Захаровой, В.В. Миндогуловым (*Рыбаковский и др.* 1994)⁴. Ее основная идея: "Китай, имеющий огромные территориальные претензии к России, всячески стимулирует проникновение своих граждан на ее территорию и создание базы для легального существования. Одновременно экономическая деятельность китайских граждан приносит и колоссальные доходы... Главной целью китайского проникновения в Россию вне зависимости от форм и каналов является интеграция в хозяйственную деятельность, приобретение недвижимости и земли, то есть создание экономических и правовых предпосылок для легального захвата территории... Несмотря на то, что иммиграция китайцев на Дальний Восток России в настоящее время носит преимущественно нелегальный характер, существующая система проникновения обеспечивает процесс оседания и легализации нелегальных мигрантов" (Там же: 35–36).

Ключевое слово здесь – оседание. И в книге приводятся огромные цифры якобы **осевших** на Дальнем Востоке китайских мигрантов. На 1993 г. их число оценивается для Приморского края в 52–55 тыс., Хабаровского края – 28500 – 30 тыс., Амурской обл. – 14–15 тыс., Еврейской автономной области – 5700 – 6 тыс. человек. Оседают эти мигранты не равномерно, а концентрируются в отдельных районах, по преимуществу сельских, и, "что необходимо выделить особо, на территориях, непосредственно

примыкающих к Китаю и обозначенных в качестве приоритетных при предъявлении территориальных претензий к России" (Там же: 19–20). Для этой статьи особенно важно утверждение, что "в ряде пограничных районов... происходит интенсивное формирование значительных по численности китайских общин, которые начинают превалировать по отношению к ведущим этническим группам данных территорий" (Там же: 21).

Ссылки на источники при этом полностью отсутствуют. В лучшем случае это "данные экспертных оценок". Умиляет стремление подчеркнуть точность сведений – через использование не круглых цифр и запятой после целых цифр. Доказывать сейчас, когда прошло уже более 10 лет (а это целая эпоха), то очевидное обстоятельство, что все это "высосано из пальца", не имеет особого смысла. Да и претензии предъявлять трудно – миграционный процесс только начинался, информации практически не было, методики анализа приходилось создавать в режиме реального времени. Важнее проанализировать технологию конструирования подобных схем и их роль в формировании общественного мнения.

Совершенно очевидно, что содержание книги подчинено задаче доказать, что "проникновение китайцев на российскую территорию противоречит государственным интересам России в данном регионе и нуждается в жестком правовом регулировании как на федеральном, так и на местном уровне" (Там же: 37). Это аргументируется пугающими огромными (и очень конкретными) цифрами, проверить происхождение которых невозможно в принципе. Можно предположить лишь, что была произведена (или произошла произвольно) подмена понятий: пребывание мигрантов и их оседание. Утверждение о создании постоянных китайских поселений в приграничных районах подкрепляется "описанием" того, как это происходит: покупаются земля и другая недвижимость; создаются "китайские деревни"; в массовом порядке покупаются поддельные визы, паспорта и другие документы. Под предлогом создания совместных предприятий, научного и образовательного обмена, временного ввоза рабочей силы происходит "не только приток мигрантов из Китая в Россию, но и легальный захват ее территории...".

Особенно угрожающей выглядит стратегия *брачной натурализации*, при которой многочисленные нелегальные мигранты (а также их дети и родственники) обретают легальный статус посредством браков, в том числе и фиктивных. О последствиях этого пишется несколько косноязычно, но совершенно определено: "Исторический опыт свидетельствует, что специфика населения Дальнего Востока и не менее специфичная политика сопредельных государств, в том числе Японии, на различных этапах развития Дальнего Востока дают реальный шанс на положительный исход этих долгосрочных, хорошо просчитанных акций по естественной ассимиляции населения". Инструментом этого становится и *религиозная экспансия*, активная деятельность многочисленных миссионеров и их образовательных центров.

В итоге "многообразие каналов, используемых для проникновения, ассимиляции или натурализации и закрепления на Дальнем Востоке позволяет рассматривать этот процесс как массовый и в целом организованный, несмотря на то, что отдельные методы выглядят как индивидуальные (челночная торговля, заключение браков)...они выступают отражением определенных государственных интересов сопредельной страны и целей ее внешней политики в Дальневосточном регионе" (Там же: 23–29).

Все это освящается высоким научным и экспертным статусом авторов и их несомненным авторитетом в профессиональном сообществе. Здесь была продемонстрирована распространенная сейчас методика, которую я бы сравнил с печально известными финансовыми пирамидами: одни "экспертные оценки" опираются на другие, каждый раз усиливаясь за счет авторитета очередного эксперта. Особенно эффективно эта модель действует, когда формируется цепочка: эксперты соответствующих госу-

дарственных служб – академические ученые – журналисты – вновь государственные чиновники. И далее по кругу⁵.

Цитируемая книга не очень доступна широкому читателю и даже специалистам из-за малого тиража. Но ее основные постулаты воспроизводились и тиражировались настолько часто (причем, как правило, без ссылки на источник и авторов), что превратились в некие общие места, аксиомы, не требующие доказательств. Этому способствовало то, что положения и выводы книги были воспроизведены в анонимной статье в многотиражном популярном (не только в профессиональных кругах) иллюстрированном журнале "Азия и Африка сегодня" (Центр 1996). И сейчас они повторяются (иногда дословно) в многочисленных служебных аналитических записках и не менее многочисленных геополитических текстах.

Две произвольно выбранные иллюстрации на этот счет. В 1996 г. К.Э. Сорокин констатирует в качестве несомненного и очевидного факта «растущую неконтролируемую "ползучую" миграцию китайцев в Россию (их в нашей стране насчитывается до 2 млн человек), образование, особенно на Дальнем Востоке, не подчиняющихся российским законам "чайнатаунов", массовую незаконную скупку китайскими предпринимателями недвижимости к востоку от Урала при бездеятельности местных и центральных властей» (Сорокин 1996: 107).

В 2005 г. А. Храмчихин выражал не менее твердую уверенность, что «восток России (в лучшем случае пространство к востоку от Байкала, возможно – к востоку от Енисея, в худшем – к востоку от Урала) за пару десятилетий превратится в гигантское "Косово"... Он будет заселен китайцами и в экономическом, финансовом и административно-политическом отношении станет частью Китая. При этом формально он будет числиться российским (до тех пор, когда в Кремле не появится президент, который отдаст де-юре то, что уже потеряно де-факто), в отдельных гетто будут жить многочисленные граждане России... В Китае прекрасно видят, что Россия сама сдает свой восток, хотя живет за его счет. В Китае прекрасно знают, что их собственная страна не проживет, не забрав соседние территории. Нация хочет жить и решает вопрос выживания единственно возможным путем» (Храмчихин 2005).

"Прогресс" здесь состоит в радикальном увеличении масштаба катастрофы и перенесении ее в будущее. Прогноз не требует доказательств и конкретного анализа. Суть же неизменна – страх перед тем, что формулируется в категории "демографической экспансии". Мотив "демографической экспансии" лежит в основе всего сложного и многообразного комплекса, который по традиции называют синдромом "желтой опасности", хотя более точно для современности звучит "китайская угроза" (Дятлов 2002).

А чайнатауны – реально существующие или потенциально неизбежные – предстают как инструмент, механизм и результат такой "экспансии". Отсюда идеологически и политически мотивированное категорическое неприятие возможности их возникновения. Так, директор Института глобализации Михаил Делягин, приехавший в Бурятию "защитить сибиряков" (Делягин 2005), был непреклонен: "Никаких чайна-таунов в Иркутске, Улан-Удэ и Чите быть не должно!". Мотивация все та же: происходит демографическая экспансия; в Сибири уже обосновались 2 млн китайцев, необходимо "ограничить заселение китайцами отдельных российских территорий, Сибири, например". А те ученые, которые не согласны с данными оценками и рекомендациями, "находятся на содержании" китайцев.

Категорическое неприятие чайнатаунов может быть мотивировано и иными соображениями. В.Г. Гельбрас, автор серии исследований, посвященных китайской миграции и китайским землячествам в России, скептически относится к концепту "демографической экспансии". Он с нескрываемым сарказмом высказывается по поводу многомиллионных цифр в оценках численности китайских мигрантов и считает, что мигранты необходимы российской экономике и потому неизбежны. Видит он в этом

процессе и опасности, одна из которых – это "закукливание" китайских землячеств, их самоизоляция от принимающего общества, прежде всего путем создания чайнатаунов, "являющихся во многих странах мира формой обособления китайских землячеств от местного общества, блокирующей процесс ассимиляции". «Мировой опыт свидетельствует: китайские мигранты чрезвычайно медленно ассимилируются местным населением. "Чайна-тауны" существуют веками, сохраняя национальную самобытность» (Гельбрас 2001, 2005: 3; Миграция 2000: 193).

Независимо и почти дословно воспроизводит эту позицию начальник миграционного управления ГУВД Иркутской обл. Ю. Гартнер: "Мигрант должен жить в нашей среде, воспринимать язык, культуру. Его дети должны учиться в наших школах. А при компактном поселении получается одна культура против другой. Обособленности нельзя допустить" (Кез 2005).

«"Умники" в Питере, не пожелавшие задуматься над международным опытом и социально-политическими последствиями своих решений, кажется вознамерились пойти на образование "чайна-тауна". Не дай Бог!» (Гельбрас 2005). Этот далекий от академической стилистики пассаж В.Г. Гельбраса открывает еще один весьма характерный для современной российской ситуации сюжет.

В категориях грядущих чайнатаунов часто оценивается инвестиционная деятельность китайских мигрантов, особенно в сфере операций с недвижимостью и в строительстве. Стоит только муниципальной власти (Питера, Екатеринбурга, Новосибирска, Читы) выделить (или попытаться выделить) место под строительство торгового центра или обслуживающих предприятий с участием китайского капитала или вообще китайских ресурсов, как это автоматически оценивается в категориях грядущего создания (или подготовки к этому) чайнатауна. Обычно в городе сразу же возникает конфликтная атмосфера, представителей властей обвиняют в предательстве национальных интересов и продажности.

Особенно бурная дискуссия развернулась вокруг инвестиционного проекта "Балтийская жемчужина" в Петербурге (Максимова, Рукобратский 2005; Молчанов 2004; Пейдж 2006; Тимченко 2006). Это действительно крупный проект, имеющий целью строительство на 150 га земли жилого квартала на 35 400 человек и гостинично-развлекательного комплекса. Предполагаемый объем инвестиций – 1,5 млрд долл. Подряд предоставлен китайской компании, причем без конкурса, а политическую значимость проекта подчеркивало присутствие на его открытии высокопоставленных официальных лиц из России и Китая. Проект вызвал сильное и организованное сопротивление: кампания в прессе, общественные слушания и собрания жителей, пикеты, заявления общественных и политических деятелей. Часть претензий связана с тем, что не было торгов. Но основная критика сосредоточилась на том, что результатом проекта будет создание чайнатауна (использование этого термина повсеместно), т.е. чужеродного и этим потенциально опасного этнического образования, потенциального инструмента политики Китая, где к тому же будут процветать всевозможные социальные язвы типа наркомании, проституции и организованной преступности.

Та же реакция последовала при обсуждении инвестиционных строительных проектов в Новосибирске (Сибирь Форум 2006; SibirInfo 2006) и Чите (Мийо 2005; Ледер). Ситуация здесь дословно повторяет питерскую: огромные инвестиционные проекты (для Новосибирска – 1,6 млрд долл.), строительство торгово-выставочных центров с участием китайских инвестиций, бурная общественная реакция, перевод проблемы в политическую плоскость, подозрения в том, что реализация проекта приведет к созданию чайнатауна. Французская журналистка цитирует слова мэра соседнего с Читой Краснокаменска. "Мне тоже китайцы предлагали построить трехзвездочную гостиницу. Нужно было только подписать бумаги, – рассказывает он, гордый, что отклонил предложение. – Я заранее знал, что строительство гостиницы приведет в мой город

китайских строителей, потом китайских постояльцев... А через десять лет – будьте уверены! – на моем месте оказался бы китайский мэр".

Как результат целенаправленной политики китайских властей рассматривает такие проекты журнал "Бизнес и финансы" (Бизнес и финансы 2006). В нем сообщается (без ссылки на источники), что в рамках кампании *ненасильственной экспансии* мигрантов Китай выделил огромные деньги на строительство чайнатаунов в крупнейших российских городах (Москве, Санкт-Петербурге и Казани). «В перспективе чайнатауны могут стать центрами сосредоточения социально опасных, националистически ориентированных маргиналов и превратиться в рассадники терроризма внутри больших городов. Вполне закономерно, что российские власти не желают видеть в городах РФ районы компактного проживания выходцев из других стран одной национальности. Об этом заявил, выступая в нижней палате российского парламента, директор Федеральной миграционной службы Константин Ромодановский... Однако как объяснить первый, торжественно заложенный, булыжник чайнатауна в Петербурге? Учитывая практику возведения подобных анклавов в других странах, мы запросто можем получить территорию, где российские законы в принципе не действуют... Не секрет, что любой такой чайнатаун может по команде из заграницы спровоцировать любой сложности конфликт внутри страны, логическим продолжением которого может стать вторжение китайских армий, прикрывающихся защитой бывших соотечественников от "российской агрессии"».

Появления чайнатаунов ждут, опасаются, прогнозируют. Преобладает же чувство напряженного ожидания неприятной, но неотвратимой неизбежности. Как предстоящего визита к зубному врачу. В процессе ожидания конструируют как некую виртуальную реальность. Материалом для такого конструирования становятся как собственные наблюдения, так и уже сформировавшиеся стереотипы. Очень часто они не совпадают. Типично, когда чиновник, отвечающий за ситуацию с мигрантами, оценивает ее как вполне нормальную в зоне своей ответственности ("у нас все под контролем"), но общее положение в этой сфере в стране как катастрофическое. Существует две картинки – одна опирающаяся на собственные наблюдения и здравый смысл и вторая – сформированная масс-медиа, заявлениями политиков, чиновников, просто авторитетных людей по описанной уже схеме финансовой пирамиды. Второй доверяют больше.

В Иркутск часто приезжают московские журналисты в поисках "чайнатауна" и вообще видимых результатов "китайской демографической экспансии". Очень удивляются, не встретив на улицах города преобладания ("засилья") китайских лиц и отсутствие панических или просто тревожных настроений у иркутян. Любопытна дальнейшая реакция. Она до наивности откровенно и простодушно описана в статье корреспондента "Комсомольской правды" (*Стешин* 2006). «Как удалось установить корреспонденту "КП", "китайский вопрос" на юго-восточной окраине Сибири присутствует, но находится где-то на периферии сознания простого иркутянина. Во время моего визита народ волновали другие темы... Не раз и не два иркутяне спрашивали корреспондента "КП": почему приехали именно к нам писать о китайцах?... Я терпеливо объяснял аборигенам, что про китайцев в Приморье писать уже поздно. А про Забайкалье и Сибирь – в самый раз». Тут и комментировать особенно нечего: человек приехал с уже сформированной картинкой, нашел, увидел и описал только то, что с нею совпадает. То, что не совпадает – просто отмел на том основании, что московскому корреспонденту все известно лучше, чем "убогим аборигенам", которым все же стоит "терпеливо объяснить", в каком мире они живут. И теперь уже его статья в одном из самых многотиражных изданий страны в качестве свидетельства очевидца подкрепляет сложившийся стереотип.

Еще следует сказать, что *китайскость* в моде. По оценке О. Вендиной, "мода на этничность, распространение различных арт-объединений, галерей, кафе, клубов и

ресторанов, а также деятельность шоу-бизнеса, эксплуатирующего этнический колорит, свидетельствует об органичном вхождении этнических репрезентаций в число столичных субкультур" (*Вендина* 2005: 56). Слова "чайнатаун" и "Chinatown" очень широко представлены в русскоязычном Интернете. Это тысячи ссылок. Но преимущественно это названия ресторанов, увеселительных и развлекательных заведений, а также песен и музыкальных групп. Для большинства современных крупных российских городов это почти неотъемлемый атрибут. И это слово выступает маркером и символом "китайскости". Никого особенно не удивляет и тем более не шокирует название божьего кафе-клуба в Москве "Китайский летчик Джао Да" (*Малахова* 2006).

Характерно и то, что феномен описывается как "чайнатаун", а не "китайский квартал", "китайская слободка" или "китай-город". Это может свидетельствовать о том, что явление осмысливается преимущественно посредством зарубежного опыта. Между тем компактные китайские поселения уже были в дореволюционной России (*Сорокина* 2001, *Сухачева* 1993). Но с того времени прошло не просто много времени – минула историческая эпоха. Чайнатауны, точнее, "китайские слободки" того времени исчезли при советской власти не просто физически. Они стерлись из исторической памяти. Остались в ней смутными воспоминаниями как об Атлантиде или граде Китеже. Но и этот остаточный – даже не опыт – посттравматический синдром, миф, неясное воспоминание – также косвенно оказывают воздействие на формирование взгляда, дискурса, отношения. Хотя, скорее всего, много меньше, чем Голливуд, американские детективы, а в последние годы – и собственные туристические наблюдения в городах Европы и Америки.

При всей нервной насыщенности споров о чайнатаунах, интенсивном обсуждении значения их для страны, на деле их пока в России нет. Само слово потеряло в российском контексте свой довольно конкретный смысл и превратилось в метафору, клише. Причина проста – у китайских мигрантов преобладает дисперсный тип расселения и экономической деятельности. Причин тому много. При всей концентрированности процесса прошло все-таки слишком мало времени для их создания. Большинство мигрантов из Китая пока не собираются оседать в России надолго. Это временные трудовые мигранты, в значительной степени – маятниковые. Пока нет критической массы, минимально необходимого числа постоянно и много лет живущих. Кроме того, еще долго будет продолжаться инерция советской градостроительной политики, стратегии такой организации городского пространства, которая препятствовала тогда социальной, а сейчас этнокультурной сегрегации.

Исследования В.Г. Гельбраса убедительно показали, что китайские мигранты в Москве сформировали разветвленные и эффективно действующие структуры и сети ("землячества"), которые берут на себя многообразные функции взаимопомощи, механизма адаптации к принимающему обществу, социального контроля и регулирования, поддержания связей с родиной, удовлетворения минимальных этнокультурных потребностей. Они же регулируют и экономическую деятельность мигрантов. Но эти сети и структуры не сконцентрированы территориально. Есть лишь отдельные ядра в виде гостиниц, общежитий, рынков. По мнению Ольги Вендиной, тенденция к территориальной концентрации представителей некоторых национальных групп в Москве наблюдается, но это результат скорее процессов социальной и имущественной дифференциации, а не тяги к совместному проживанию для удовлетворения этнокультурных потребностей и консолидации (*Вендина* 2005).

Отдельного разговора заслуживает проблема "китайских" рынков, гостиниц и общежитий. Это, конечно, не чайнатауны в привычном понимании этого слова. На рынках не живут, а гостиницы и общежития обычно разбросаны по всему городскому пространству и не могут претендовать на роль компактных поселений на этнической основе. И тем не менее их функции для мигрантов и для городского сообщества намного шире официально заявленных. Там не только живут и торгуют. Там территори-

ально концентрируются диаспоральные сети, связи, стратегии поведения. Это те ядра, зародыши рассматриваемого феномена, которые уже появились в России. Те локальности, места, где китайские мигранты группируются для жизни, работы, досуга, внутриобщинной жизни. Там где сети, связи, структуры, институты локализируются, приобретают территориальное измерение. Пока это именно гнезда, разбросанные по территории города, функционально специализированные, не комплексные. Но и они дают большой материал – хотя бы для того, чтобы поставить ряд исследовательских проблем.

Пока это совершенно неизученная проблема. Публикации о "китайских рынках" можно пересчитать буквально по пальцам одной руки. Это несколько статей об Иркутске (Дятлов 2000: 114–141; Dyatlov 2004; Дятлов, Кузнецов 2005), есть два небольших, но насыщенных очерка об Уссурийске и статья о рынке "Таганский ряд" в Екатеринбурге (Тренин, Витковская 1999; Гельбрас 2001: 51; Бурнасов 2007). Можно только предполагать, что описанные в них случаи типичны и отражают общие для страны процессы. Но с полной уверенностью говорить об этом трудно, а вскоре станет и вообще невозможно: сейчас роль таких рынков радикально меняется, что дает основание говорить об "уходящей натуре". О феномене, который вскоре (а по многим параметрам уже и сейчас) придется уже не описывать, а реконструировать.

Многолетние наблюдения за "китайским" рынком "Шанхай", или "шанхайка" в Иркутске показывают, что за 13 лет существования он превратился из торговой площадки в сложный, саморазвивающийся и саморегулирующийся организм, во многом живущий по собственным законам и правилам. Одновременно он стал интегральной частью иркутской экономической и общественной жизни. Его жизнедеятельность регулировалась не только (и не столько) официальными нормами и инструкциями, сколько сводом неписаных (и потому действенных) правил, обычаев, законов. Помимо официальной администрации эффективно функционировали различного рода неофициальные управленческие структуры, лидеры, хозяева. Люди, так или иначе занятые на рынке, – это не конгломерат, неоформленное скопление торговцев и обслуживающих их работу охранников, уборщиков, разносчиков еды, таксистов и т.д. Они жестко организованы, структурированы, связаны сложной системой взаимных обязательств и ответственности. Поэтому способны на массовые коллективные действия, требующие высокого уровня организации, жесткой внутренней дисциплины, эффективного руководства. В качестве примера можно привести неоднократные забастовки торговцев, блокирование ими движения по прилегающим улицам, пикетирование зданий городской и областной администраций.

Это многофункциональная структура – помимо собственно торговой деятельности там сложился комплекс сервисных и развлекательных услуг (от нелегального казино и собачьих бегах до подпольной мастерской по изготовлению документов, от сети кафе и столовых до охранной, транспортной, консалтинговой инфраструктуры).

Далеко не все китайские мигранты Иркутска работают на "Шанхае", видимо, даже не большинство. И уж тем более они не живут там. Но там сходятся сети отношений и связей, находится невралгический центр формирующегося китайского сообщества города.

Почему на рынке так стремительно сформировались общинные структуры и почему они так сильны и эффективны? Является ли это следствием "национального характера" китайцев (и тогда неизбежен вопрос – а что это такое вообще – "национальный характер"?) или это результат общемигрантской ситуации? Иначе говоря, китайские мигранты создают общинные структуры потому, что они китайцы, или потому, что они мигранты? Это результат естественного стремления к взаимодействию с людьми своей культуры, своего языка, выходцами из своей страны – и/или это особый тип организации общества, специфический механизм социального контроля и власти?

Оставляю за скобками "национальный характер" в силу очевидной априорности, неопределенности и низкой инструментарности этой категории. Обратимся к ситуации

мигранта. Его успех во многом зависит от уровня и характера удовлетворения адаптационных потребностей. В принимающем обществе мигрант остро нуждается в статусе, безопасности, связях, информации. Это необходимо для обеспечения миграционного трафика (от принятия решения ехать до обустройства на новом месте); создания условий для эффективной экономической деятельности; поддержания отношений с исторической родиной (от переводов и поддержки семей до возможности быть погребенным в родной земле); обеспечения социокультурных и бытовых проблем (от необходимости освоить язык, нравы, обычаи, нормы, манеры поведения, одежды и т.д. принимающего общества до сохранения и поддержания собственной идентичности, сохранения родного языка, обычаев, норм, манер).

Добиться решения этих сложнейших задач индивидуальными усилиями мигранта невозможно. Формальные и неформальные сети и сообщества помогают им осваиваться в социальном пространстве российских городов, удовлетворяют спрос на базовые потребности в чужом обществе. Вся эта система функционирует в рамках рыночных отношений, является ее интегральной частью. Поэтому оказываемые в ее рамках услуги стоят денег. Но это не единственная цена. Основная плата – это подчинение, вхождение в систему непреложных обязательств, клиентельной зависимости.

Результат – формирование общинного ядра не только и столько среды людей одного языка и культуры, сколько механизма социального господства, контроля и подчинения со своими законами, механизмами их выполнения и системой санкций. Община и общинная солидарность могут функционировать и как механизм взаимной поддержки и контроля, и как оружие в борьбе за ресурсы в принимающем обществе. Они обладают огромным мобилизационным потенциалом.

Такую стратегию адаптации мигрантов можно оценить как вполне успешную и эффективную. Но в ней же заключается источник уже формирующихся проблем и конфликтных ситуаций. В ее результате возможно формирование неких твердых "ядер", непроницаемых для посторонних. Это предпосылка для "закукливания" мигрантов в рамках своих общностей, что явно может понизить их стремление к социокультурной интеграции в принимающее общество. Напрашивается гипотеза о том, что такое **общинное образование** закрыто от принимающего общества не только социокультурной и этнической чужеродностью, но и принципиально иным типом социальных связей, регулирования и власти. Неизбежное и далеко идущее следствие формирования ядра общинности в атомизированном, индивидуалистическом обществе – постоянный контакт и взаимодействие двух разных, возможно, несовместимых типов социальной организации, разнотипных механизмов регулирования человеческого поведения. И если в дореволюционной России, или, скажем, в современной Индонезии, где и принимающее общество во многом было или является общинным, такое общинное образование органично встраивалось в общинное же общество (модель гетто), то и в современной России неизбежны отторжение и конфликт.

Современное рыночное, индустриальное, индивидуалистическое общество, готовое не просто мириться с этническим и культурным разнообразием, но и часто способное в рамках стратегии мультикультурализма поддерживать и развивать это многообразие, общинный тип организации, власти и регулирования человеческого поведения принять и интегрировать вряд ли сможет.

Резюмируя, можно сказать: чайнатаунов в России нет, но есть перспектива их формирования, а значит, и необходимости опережающего анализа связанных с этим проблем. Но главное – сложившийся комплекс страхов и опасений уже сейчас является реальным фактором общественно-политического развития страны.

Примечания

¹ Блестящий анализ некоторых причин и механизмов этого явления содержится в последних работах Ж.А. Зайончковской (*Зайончковская* 2005).

² Смотри в качестве иллюстрации заголовки в солидно-консервативных "Известиях" и "Российской газете": "Понаехали тут. Мосгордума борется с мошенниками и иностранцами" (Известия 2005), "Понаехали тут. Разделение граждан по национальному признаку – путь к удельным княжествам" (Малахов 2006). А поиск в Интернете показал, что это устойчивое словосочетание, уже почти идиома, встречается там не менее тысячи раз, причем очень часто в заголовках статей.

³ Вот несколько характерных газетных заголовков: "Через 10 лет Иркутск станет чайна-тауном" (Липчинская 2006); "Китай-город в Иркутске" (Колганов, Солоненко 2002); "Ползучая оккупация Сибири. Китайская миграция принесла востоку России новые проблемы" (Кез 1998); "Великая китайская Сибирь" (Орлов 2005).

⁴ Рыбаковский Л.Л. – доктор экономических наук, профессор, заведующий Центром демографии Института социально-политических исследований (ИСПРИ) РАН, Захарова О.Д. – кандидат экономических наук, заведующая сектором воспроизводства населения ИСПРИ РАН, Миндогулов В.В. – кандидат экономических наук, заведующий отделом населения Администрации Хабаровского края.

⁵ Небольшая иллюстрация того, как действует эта "методика". Пугающие "прогноз-констатации" "брачной экспансии" у Л.Л. Рыбаковского, О.Д. Захаровой и В.В. Миндогулова практически мгновенно реализовались в анонимную экспертную оценку того, что "в Иркутской и Читинской областях около половины вступающих в брак мужчин составляют китайцы". Эту оценку несколько скептически, но без комментариев процитировал крупнейший специалист по экономике Китая В. Портяков (Портяков 1996: 82). Теперь уже со ссылкой на его авторитет оценка воспроизводится в прессе. В качестве безусловного факта все это используется в политике – и во время выборов в Государственную Думу в 2003 г. лидер "Родины" Д. Рогозин постоянно рассказывал байку о том, как некая дальневосточная старушка раз 30 счастливо выходила замуж за китайцев и стала таким образом "инструментом их демографической экспансии". Губернатор Хабаровского края В. Ишаев решительно выступает против смешанных браков, так как "обеспокоен тем, что в регионе возникают компактные поселения китайцев, которые пытаются все больше влиять на экономическую и политическую ситуацию" (Известия 2000). Между тем количество таких браков в городах Дальнего Востока и Сибири ничтожно и исчисляется буквально десятками (о ситуации в Иркутске, напр., см.: Дятлова 2001).

Литература

- Бизнес и финансы 2006 – Чайнатауны – вызов России // Бизнес и финансы. 2006. 20 марта (<http://www.advis.ru>).
- Бурнасов 2007 – Бурнасов А. Китайский рынок как логистический центр: на примере рынка "Таганский ряд" в Екатеринбурге // Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством / Отв. ред. В.И. Дятлов. М.; Иркутск: Наталис, 2007. С. 68–80.
- Вендина 2005 – Вендина О. Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? // Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 3. М., 2005.
- Гельбрас 2001 – Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001.
- Гельбрас 2005 – Гельбрас В.Г. Китайское предупреждение // Литературная газета. 2005. № 42. С. 3.
- Делягин 2005 – Делягин М. Защитить сибиряков // Московский комсомолец в Бурятии. 2005. 2 марта.
- Дятлов 2000 – Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: Наталис, 2000.
- Дятлов 2003 – Дятлов В.И. "Желтая опасность": трансформация одной ксенофобии // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Матер. VI Междунар. конф., г. Волгоград, 28–30 ноября 2002 г. / Редкол. С.В. Голунов (отв. ред.) и др. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 116–123.
- Дятлов, Кузнецов 2005 – Дятлов В., Кузнецов Р. "Шанхай" в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М.; Иркутск: Наталис, 2005. С. 166–187.
- Дятлова 2001 – Дятлова Е. Брачные связи мигрантских меньшинств Иркутска в 1989–1998 годах (китайцы, выходцы с Северного Кавказа и Закавказья и Центральной Азии) // Вестник Евразии. 2001. № 1. С. 30–46.
- Зайончковская 2005 – Зайончковская Ж. Перед лицом иммиграции. Соседство Китая поможет решить проблему острого дефицита рабочей силы // Pro et Contra. 2005. № 3(30). Ноябрь–декабрь. С. 72–86.

- Известия 2000 – Китайцы на Руси // Известия. 2000. 26 янв.
- Известия 2005 – Понаехали тут. Мосгордума борется с мошенниками и иностранцами // Известия. 2005. 11 апр.
- Кез 1998 – Кез С. Ползучая оккупация Сибири. Китайская миграция принесла востоку России новые проблемы // Новые Известия. 1998. 27 марта.
- Кез 2005 – Кез С. Сибирский чайна-таун нового формата // Независимая газета. 2005. 30 мая.
- Колганов, Солоненко 2002 – Колганов А., Солоненко С. Китай-город в Иркутске // Пятница. 2002. 20 дек.
- Ледер – Ледер Я. Чита может получить свой чайна-таун // BBC.RUSSIAN.com. (http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/russia/newsid_5149000/5149518.stm).
- Липчинская 2006 – Липчинская О. Через 10 лет Иркутск станет чайна-тауном // Комсомольская правда–Иркутск. 2006. 18 окт.
- Максимова, Рукобратский 2005 – Максимова Т., Рукобратский В. Чайна-таун по-питерски // Комсомольская правда. 2005. 6 июля.
- Малахов 2006 – Малахов В. Понаехали тут. Разделение граждан по национальному признаку – путь к удельным княжествам // Российская газета. 2006. 26 сент.
- Малахова 2006 – Малахова Н. Китай-город. Подвал. Летное поле // Новая газета. 2006. № 43.
- Миграция 2000 – Миграция и безопасность в России / Под ред. Г. Витковской и С. Панарина. Моск. Центр Карнеги. М.: Интердиалект, 2000.
- Мийо 2005 – Мийо Л. Сибирь противостоит "желтому натиску" ("Liberation", Франция 22 декабря 2005) // ИноСМИ.Ru. 2005. 22 дек. (www.inosmi.ru).
- Молчанов 2004 – Молчанов Ю.В. China Town будет в Петербурге // Ведомости. 2004. 12 апр.
- Орлов 2005 – Орлов Н. Великая китайская Сибирь // Правда Бурятии. 2005. 27 янв.
- Пейдждж 2006 – Пейдждж Д. Россия не хочет, чтобы китайцы жили в Чайнатауне за 690 млн. фунтов // InoPressa. 2006. 27 окт. (<http://sj8.ru/cgi-bin/hraf/inopressa-title-728?462>).
- Польинский 2005 – Польинский А. Сибирь с раскосыми глазами // Трибуна. 2005. 3 сент.
- Портяков 1996 – Портяков В. Китайцы идут? Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России // Международная жизнь. 1996. № 2. С. 82.
- Последнее 1998 – Последнее нашествие немарсиан // Восточно-Сибирская правда. 1998. 30 июня.
- Рыбаковский и др. 1994 – Рыбаковский Л.Л., Захарова О.Д., Миндогулов В.В. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. М., 1994. 39 с.
- Сибирь Форум 2006 – "Чайнатаун" на берегу Оби? "Чайнатаун" на берегу Оби? Часть вторая // Сибирь Форум. 2006. 27 февр.; 2 марта (<http://sibforum.ru/>)
- Сорокин 1996 – Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996.
- Сорокина 2001 – Сорокина Т.Т. Китайские кварталы дальневосточных городов (конец XIX – начало XX в.) // Диаспоры: Независимый научный журнал. 2001. № 2–3. С. 54–74.
- Стешин 2006 – Стешин Д. Ломоносов ошибся: Сибирью прирастает Китай // Комсомольская правда. 2006. 11–12 апр.
- Сухачева 1993 – Сухачева Г.А. Обитатели "миллионки" и другие. Деятельность тайных обществ во Владивостоке в конце XIX – начале XX в. // Россия и АТР. 1993. № 1.
- Тимченко 2006 – Тимченко С. "Чайна-таун" на берегах Невы. Строительство в Санкт-Петербурге "Балтийской жемчужины" может привести к появлению в городе криминальных группировок из Поднебесной // Независимая газета / НГ-Регионы. 2006. 6 февр.
- Тренин, Витковская 1999 – Тренин Д., Витковская Г. Введение // Московский Центр Карнеги. Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор. М., 1999.
- Храмчихин 2005 – Храмчихин А. Желтое господство. Захват Китаем Сибири – не "страшилка". Поскольку другого выхода у него просто нет // Политический журнал. 2005. № 27. С. 61–64.
- Центр 1996 – [Центр стратегического развития]. Китайский прессинг на Амуре // Азия и Африка сегодня. 1996. № 3. С. 2–5.
- Dyatlov 2004 – Dyatlov V.I. The Chinese Migration to Siberia and the Beginning of the Formation of a New Diaspora // Current Research on Past and Present Asian and African Societies: Russian Oriental Studies / Ed. V. Naumkin. Leiden; Boston: Brill, 2004. P. 123–161.
- SibirInfo 2006 – Новосибирский "Чайнатаун" или китайская головоломка // SibirInfo: Информационный портал Сибири. 2006. 27 окт. (<http://www.sibirinfo.ru/>).